

ЕВГ. ДОЛМАТОВСКИЙ

Р33029

ВЕРА

В

победу

СТИХИ

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ • 1944

Эбз. Долматобский

В Е Р А
6
П О Б Е Д У

стихи
1941-1943 гг.

современный писатель
москва
1944

Д — 64

СВОБОДА

Наш мир был светел, юн и синеглаз,
К нему не смели подойти печали.
Такой свободой озарило нас,
Что мы, товарищ, ей цены не знали,

Казалось, что не может быть иным
Тот сад, который сами мы растили.
Простую жизнь под небом голубым
Мы первую любовью полюбили.

Но эти строки я теперь пишу
В сырой землянке на переднем крае,
На пальцы онемевшие дышу,
Патроны слов в обойму подбирая:

Еще недавно было здесь село,
Теперь лишь ветер, словно пуля, свищет,

Последнее, печальное тепло—
Краснеют угольки на пепелище.

Я много видел городов и сел,
Разрушенных с жестокостью бесцельной,
Я много писем у старух прочел
От дочерей из Дрездена и Кельна.

Мы на своих плечах несем войну
И видим рек кровавое течение,
И земли, побывавшие в плену,
Бледны, как человек из заточенья.

Сражаясь с черной силою врага
Два с половиною жестоких года,
В бою узнали мы, как дорога,
Как непреклонна русская свобода.

Белоруссия
1943 г.

В ТРУДНЫЕ ДНИ

В ТРУДНЫЕ ДНИ

Да, друг, нам нечего скрывать,
Что этот час нелегок.
Кольцо сжимается опять,
И бомбы на дорогах.
И пыль на нежных листьях лоз,
И женщина у хаты.
В ее глазах, как капля слез,
Немой вопрос — куда ты?
А ты стоишь с лицом, как медь,
И отвечать не в силе.
Будь честен, воин, и ответь:
Да, здесь нас потеснили!
Проклятый немец фронт прорвал
И рвется вповь к востоку.
Подзет тяжелых танков вал
К прозрачным рек истоку.
Тем тяжелей, что не впервой

Шагают вспять колонны,
И слышен гул над головой,
И раненого стоны.
Еще один на сердце шрам,
И седина, наверно, —
Но не печаль — подруга нам,
А мужество и верность.
Оружье славное у нас,
А вот уменья мало,
Но надо выстоять сейчас —
Отчизна приказала.
Мы выстоим! Любой ценой.
Гранат нехватит — сердце
Швырни, товарищ, в танк стальной, —
Он должен загореться!
Пусть снова зной, и пыль, и пот,
И кровь на переправе.
Враг не пройдет! Нет, не пройдет!
Его мы в землю вдавим.
Борись за каждое село,
За каждый кустик малый.

...А если нынче тяжело,
Так тяжелей бывало.

Богучар
Июль 1942 г.

УКРАИНЕ МОЕЙ

Україна, Украина, Україна,
Дорогая моя,
Ты разграблена, ты обкрадена,
Не слышать соловья.

Я увидел тебя распятою
На немецком штыке
И прошел равниной покатою,
Как слеза по щеке.

В торбе путника столько горести —
Не легко пронести.
Землю черную полной горстью я
Собирал на пути.

И леса твои и поля твои —
Все забрал бы с собой!
Я бодрил себя смертной клятвой —
Снова вырваться в бой.

Ты лечила мне рапы ласково,
Укрывала, когда,
Челюстями стальными ляская,
Подступала беда.

Все ж я вырвался, вышел с запада
К нашим, к штабу полка,
Весь пропитанный легким запахом
Твоего молока.

Иди теперь моего возвращения,
Бей в затылок врага.
Сила ярости, сила мщения,
Как любовь, дорога.

Наша армия скоро ринется
В свой обратный маршрут.
Вижу — конница входит в Винницу,
В Киев танки идут.

Мчатся лавою под Полтавою
Громы наших атак.
Наше дело святое, правое.
Будет так. Будет так.

Ророкеж
9 ноября 1941 г.

ЛЕЛЕКА

Середина двадцатого века.
Полпланеты войною гремит.
И летит вдоль дороги лелека,
Украинская птица летит.

Что летишь ты за нашей колонной,
Оставляя гнездо на трубе?
Или хаты в долине зеленой
Показались чужими тебе?

Серым танком прибита пшеница,
И воронками выдолблен шлях.
Улетает печальная птица,
Наш уют унося на крылах.

Нет у нас ни покоя, ни дома,
Маки в поле цветут не для нас.

Лишь раскат орудийного грома
Будет голосом нашим сейчас.

Птица счастья! Тебе непонятно
Отступление наше! Ну что ж,
Будет день, ты вернешься обратно
И разбитую хату найдешь.

Пусть вода станет красною в реках,
Смерть пусть ходит по нашей судьбе,
Чтобы вновь прилетела лелека
И свивала гнездо на трубе.

Каменец-Подольская область
Июль 1941 г.

ПЕСНЯ О ДНЕПРЕ

У прибрежных лоз, у высоких круч
И любили мы и росли.
Ой, Днепро, Днепро, ты широк, могуч,
Над тобой летят журавли.

Ты увидел бой, Днепр — отец-река.
Мы в атаку шли под горой.
Кто погиб за Днепр, будет жить века,
Коль сражался он, как герой.

Враг напал на нас, мы с Днепра ушли.
Смертный бой гремел, как гроза.
Ой, Днепро, Днепро, ты течешь вдали,
И волна твоя, как слеза.

Из твоих стремнин враг воду пьет,
Захлебнется он той водой.

**Славный день настал, мы идем вперед
И увидимся вновь с тобой.**

**Кровь фашистских псов пусть рекой течет,
Враг советский край не возьмет.**

**Как весенний Днепр, всех врагов сметет
Наша армия, наш народ.**

**Урюпянск
1941 г.**

ГОРОД ВДАЛИ

Мы бинокли к глазам поднесли
И увидели город вдали.
В синеве прощывали дома,
Как огромные корабли.

Горизонт был от зноя волнист,
Слышен пух беспорядочный свист.
«Вижу Киев», — тихонько сказал,
Вылезая из башни, танкист.

Улыбнулся устало другой:
«Ошибаешься, мой дорогой.
Это старый печальный Смоленск
Белым камнем блестит под горой».

«Что за город — дешевый вопрос, —
Заворчал черноморский матрос. —

Как Одессы |своей не узнать,
Если я там родился и рос!»

Мы на запад глядели, туда,
Где сурово дымилась беда,
И, готовясь к атаке ночной,
Узнавали свои города.

Харьковская область.
Май 1942 г.

МЕТРО

Мы пробивали юрской глины толщи,
Смиряли плавуну подземных рек.
За нами шел рачительный бетонщик
И мраморщик — веселый человек.
Когда мы поднимались из забоя
В брезентовых доспехах на-гора,
Казалось нам — мы слышим запах боя,
Уже гремит военная пора.
Мы думали, что бой идет с природой,
С землей упрямой, с ветром и огнем,
За то, чтоб расквитаться с непогодой,
За то, чтоб ночь над миром стала днем.
Не знали мы, что на метро движенье
Сегодня закрывается с восьми,
От смерти воюющей ища спасенья,
Бегут в тоннели женщины с детьми.

1941 г.

ЛЕГЕНДА

Самолет не вернулся на базу...
С ним пропали три славных дружка.
Погрустив и поверив не сразу,
Их вписали в потери полка.

А пилот был отчаянный парень.
Он в заморские страны летал,
Лучше всех он играл на гитаре,
Сам к мотивам слова подбирал.

Неразлучен он был с экипажем.
Так они и пропали втроем.
Если хочешь, мы нынче расскажем,
Что случилось, что было потом.

Из-под белых обломков «дюраля»,
Из-под сломанных ребер стальных

Трех товарищей немцы достали,
Окровавленных, еле живых.

Палачи заковали им руки,
Разлучили с отчизной своей.
Нет на свете ужаснее муки,
Чем неволя для вольных людей.

Чтобы горше сердцам их орлиным
Было жить в этом мире чужом,
Держат в лагере их под Берлином,
Водят утром на аэродром.

Там работа, работа, работа,
Землю твердую роют они,
Возле серых чужих самолетов
Протекают их тяжкие дни.

Но заметили трое — бывает
В час обеда на поле покой.
Нету немцев. И только шагает
Охраняющий их часовой.

Не сказали друг другу ни слова,
Огляделись три друга кругом.

Вдруг удар повалил часового,
И они к самолету — бегом.

И взлетает машина чужая,
Иступленно вращая винты,
Полутонные бомбы сгружая
На Берлин с голубой высоты.

Суматоха, смятенье, погоня...
Но уже самолет далеко.
Пусть в тисках занемели ладони,
Как на сердце, товарищ, легко!

Он летит, этот призрак крылатый,
И Германию сводит с ума,
Птица мщенья, начало расплаты,
А быть может — расплата сама.

Самолету навстречу с востока,
Из небесных глубоких стремнин,
Слышен твердый, уверенный рокот —
Это наши идут на Берлин.

1943 г.

ПРОПАЛ БЕЗ ВЕСТИ

— поэма —

1

Корчилась, вздрагивала дубрава,
Судорогой исходило пламя,
Будто металась слева и справа
Петухи с отрубленными головами.

Здесь, посреди кутерьмы и воя,
Возле воронки лежали двое.

Вполз муравей одному на щеку —
Смертью повеяло незнакомо;
Лапки раскидывая широко,
Медленно он перешел к другому
И, деловито скользнув над ухом,
Лоб миновал, побежал на брови,
Черными усиками разнюхал
Свежий и приторный запах крови.

Только хотел залезть под ресницы,
Начали веки чуть шевелиться,
Открылись глаз голубые раны.
Взрывом отброшенная на тропинку,
Каска валялась с дырою рваной,
А из дыры торчала травинка.
Странно — еще незаметно боли.

Тихо и сладко уходят силы.
Стал он будить товарища: «Коля,
Коля, вставай, просыпайся, милый!»
Коля в небо смотрел равнодушно,
Руки раскинув, лежал послушно...

Вдруг — не виденье ль: сбоку дороги,
Перед собой держа автоматы,
Как на плацу, поднимая ноги,
В легких шинелях идут солдаты,
Близко, не больше чем метров двести...

Раненый замер рядом с убитым:
Видишь, товарищ, мы снова вместе,
Снова шинелью одной укрыты!
Лоб освежает росы остуда...
Наши войска отошли отсюда.

Значит, и жизнь отошла по шляху,
Чтоб ее гибель не окружила,
И окровавленную, как плаху,
Землю под голову положила.
Солнце теперь уступает мраку...

Он застонал, револьвер свой тронув:
Утром три раза водил в атаку,
И в барабане уж нет патронов,
Значит, и в смерти своей не волен,
Отдан во власть подступившей боли.
Был ты всегда молодым да ранним,
Рано и встретился с умирающим.

.

2

Говор, похожий на дребезг жестя,
Лязг амуниции, шаг военный:
Нет у тебя ни жизни, ни чести,
Ты не мертвец еще, только пленный.
Ты щебетал октябренок в школе,
Детство повязывал красной косынкой,
Вольную юность провел в комсомоле,
В партию принят на фронте финском.

Жизнь молодую прожил недаром
В русском просторном и светлом доме.

...Отброшенный коротким ударом,
Валяешься на гнилой соломе.
Рядом сапог, подкованный грубо,
Пояс и фляга, приклад отвесный.
Встал часовой и свистит сквозь зубы
Легкий мотивчик солдатской песни.
Точно сошедший с наших плакатов,
Сложен солдат из серых квадратов.

Был ты веселым, горячим, смелым,
Был заводила и запевала.
Только не дрогни перед расстрелом,
Чтобы убийце холодно стало.
Пленный, поднятый новым ударом,
Чувствуя привкус железа и серы,
Вышел под солнце — тяжелый, старый,
Бурый от крови, от горя серый...

Нет, не стреляют. Ведут куда-то.
Ноги ступают по мягкой пыли.
Раненых русских кладут солдаты
В высокобортные автомобили.

Брешут собаки — деревня справа,
Медом запахло — должно быть, поле.
Шелест деревьев — это дубрава
Да заметенная ветром воля.
Стонут товарищи на ухабах,
Кровь проступает сквозь перевязки,
Ветер качает угрюмых, слабых,
С лицами пыльными, словно маски.

Мало ль, что может случиться в жизни —
Выстой, выдержки, зубы стисни!

3

Насколько помню, на этом месте
Была птицеферма. Прошло не много
С той милой поры, как пропавший без вести
Ехал на эмке этой дорогой.
Птичьи загоны и пыль простора,
Гомон индюшек, базар куриный.
Рядом с собой посадив шофера,
Сидел он за круглым рулем машины.
Его увлекало это движенье,
Послушность руля на пути покатою,
И он следил за своим отраженьем

В маленьком зеркале продолговатом,
На фоне дороги, в мельканье скором,
В зеркале, словно ждали участия,
Глаза, как синие солнца, которым
Выпало видеть начало счастья:
Юность далекого Комсомольска,
Светлые линии Днепростроя,
Красную площадь, рассвет московский,
Крымские мраморы в час прибоя.
Снова дорога струилась плавно,
И проплывали в белом овале
Губы, которые так недавно
Пели, смеялись и целовали.

По этой дороге, под флагом пыли,
Шагают сегодня темные каски,
Мчатся широкие автомобили
Серо-стальной, нерусской окраски.
В гладкой французской малолитражке
Сидит офицер в высокой фуражке.
В зеркальце прыгает отражение
Глаз водяных, наблюдавших спокойно,
Как умирают поля и селенья,
Как над Европой взрываются войны,
Смотревших на дымный позор Парижа,

Видевших сломанные границы.
Вот он глядит, надменный и рыжий,
На раскаленный загон для птицы,
Где, оплетенные смертью сонной,
Лежат у кормушек, зловонных и горьких,
Пленные красноармейцы в темных,
Кровью пропитанных гимнастерках.

Думал когда-нибудь ты о плене,
Как о судьбе, о своем страданье?
— Нет! — как о подлости, об измене.
Что ж ты найдешь теперь в оправданье?
Стынет в пыли полумертвое тело.
Сдавлено сердце болью тупою.
Родина! Родина! Что мне делать?
Может быть, я виноват пред тобою?
Только скажи мне одно хоть слово,
Только скажи — не молчи, не надо!
Пусть оно будет, как смерть, сурово,
Твой приговор — для меня награда.

Низко клубится, нависла тучей
Пыль над пылающею мертвецкой,
Стонет за проволокой колючей
Родина в шрамах колес немецких.

Пленный устало смежил ресницы.
Нет, все равно уже не подняться.
И начинается такое снится —
Если бы вовсе не просыпаться:
Шла ты дорогой цветов навстречу,
Вся золотая, в том самом платье.
Птицы садились тебе на плечи,
Мир открывал для тебя объятия.

Снился ему карнавал веселый —
Это видал перед смертью каждый.
Только проснулся он: голод! голод!
Рот словно камешный: жажда! жажда!
Помнишь ли ты холодную воду?
Ею улицы в городе поливали,
С сиропом яблочным и крем-содой
Около Пушкина продавали;
Целые реки текли. Купаясь,
Если нам в рот она попадала,
Фыркали, брызгали и плевались.
Что ж мы тогда ее пили мало?
Вдоволь ведь можно было напиться!
Что ж мы не выпили в прошлой жизни
Все ручейки, родники, криницы,
Капли росы, дождевые брызги?

Раны набухли, опухли, стали
Твердыми от воспаленного зноя,
Черную марлю уже прощитали
Желто-зеленые пятна гноя.

В тысячу раз бы мне больше боли!
Голода, жажды, — но только воли!

4

Было воскресенье. В этот день
Дали дохлую конину жрать.
Шаткими зубами стала тень
Посиневшие волокна рвать.
На бугор потом согнали всех.
Вышел голенастый офицер —
Оглушительный немецкий смех
И углы презренья на лице:
«Песню русскую хотите спеть?
Это будет снято для кино.
Можете не петь, конечно. Но...»
И крутнул резиновую плеть.
Шло волной молчанье по рядам,
Плеть вилась, как серая змея.
Песню? Нет, я песню не отдам!

Ни за что не дам! Она моя!
Песню дать, чтоб после солдатня
Гоготала, слушая ее,
Чтоб клубок расплавленного дня
Превратился в мирное житье?
Чтоб жена того, кого штыком
Не успел я во-время огреть,
Шла в кинематограф вечерком
Покоренных русских посмотреть?
День пылал, как доменная печь:
По плечам дубинки стали жечь.
Но, сердечному веленью вторя,
Вдруг открылся чей-то черный рот:
«По долинам и по взгорьям
Шла дивизия вперед».
Переводчик вскрикнул: «Перестать!»
Песня стихла, а потом опять,
Песню дальше под руки вели,
Стиснув кулаки, смешав ряды.
Только слезы по щекам текли,
Оставляя светлые следы.
Выстрелы. Короткий свист свинца.
Запевама медленно упал.
Но допели песню до конца,
Дохрипели те, кто умирал.

Кровавое солнце ушло за гору.
 Ветер принес дуновенье сада.
 Как ты мила, даже в нашем горе,
 Вечера медленная прохлада.

Стали сползаться, стали шептаться:
 «Даром нас, что ли, земля носила?
 Ночью сегодня пора подниматься.
 Нас ведь не мало, мы тоже сила, —
 Пальцами всех часовых задушим.
 Коль не погибнем, то к нашим выйдем!»

Кто ж в себе вырастил черную душу,
 Кто же подполз, подслушал и выдал?
 Лагерь обставили пулеметы,
 Голос заяял в радиорупор:
 «Не смей вставать, кому неохота
 На этой земле оставаться трупом!
 Кроме того, как германцам известно,
 Пленные спрятали комиссара.
 Кто выдаст его, сегодня же, честно,
 Получит за голову двести марок».
 Комиссар — врага леденящее слово,

Строгое имя людей из стали, —
Не знаю, тебя иль кого другого
Именем этим они называли.

Товарищ, так вот она стоит сколько,
Твоя бедовая и молодая,
Твоя рассеченная осколком,
Твоя с недавней поры седая,
Где сохранился, горяч и жарок,
В лоб иль висок поцелуй неловкий, —
Все продается за двести марок,
Все покупается по дешевке!

Продали? Между лежащих пленных
Ходят угрюмо солдаты. С ними,
С черным лицом, как шакал презренный,
Ходит предатель и шепчет имя —
Уж не твое ли? Мое! Я вижу,
Я по движению губ заметил.

Ближе подходят. Подходят ближе.
В страхе отшатывается ветер.
Может быть, мне отползти?
Но поздно.
Спящим мне, что ль, притвориться?

Будят...

Ночь эта будет прохладной, звездной,
Только меня уж в ней не будет.

«Эй, комиссар, поднимайся, что ли!»
К твердой земле прилипают люди.
Я медленно встал и, скривясь от боли,
Прямо в глаза посмотрел иуде.
Надо запомнить его навеки,
Как он стоит, опустивши веки,
С яблоком, в потной руке зажатом,
Рядом с ослабившимся солдатом.

...Я никогда комиссаром не был,
Не был я вражьей грозой — чекистом,
Только я рос под советским небом,
Ясным, как русское сердце, чистым.
Только за это, только за это
Завтра я не увижу рассвета.
Что ж, если так, пусть я нынче стану
Всем, что они ненавидят яро,
Стану чекистом и комиссаром,
Стану я мстителем неустанным.
Это рождает силу и твердость,
Это моя последняя гордость.

Вырвалось — «Хальт!» — из солдатской пасти.
Смертник с друзьями протиснулся тихо.
«Дай вам удачи, друзья по несчастью,
Не поминайте, ребята, лихом».

И повели. Под ногами камень
Мягким казался, когда в дороге
Били прикладами и кулаками
Немцы, мордатые, как бульдоги.
Но не склонись, не поддайся ударам —
Они ведь считают тебя комиссаром.
Пленный замедленно и устало,
Как заводной, принимал побои.
Вышли из лагеря. Ночь настала,
Землю окутала в голубое.
Как хорошо в этом мире сонном,
Пахнущем медом и повидлякой!
Был ли когда-нибудь ты влюбленным?
Думал когда-нибудь о великом?
Будешь расстрелян ты по приказу —
У одного из солдат бумага.
Странный порядок — стрелять не сразу —
Метров пятьсот еще до оврага.
Вдруг он почувствовал, что мчится
В ночь, в темноту, никуда не глядя,

Плечи расправив, летит как птица...
Выстрелы хлещут кнутами сзади.
Дальше ползком, в воддырях крапивы,
Вдоль по оврагу, путем обходным.
Не задохнуться б таким счастливым,
Не умереть бы — таким свободным!

6

Выгнав коз на золотом рассвете
К ивнякам, где ручеек бежит,
Увидали маленькие дети,
Что в овраге человек лежит
С почерневшею рукой разбитой,
С красною от крови головой,
Очень бледный, только не убитый,
Шевелится — до сих пор живой.
Он, наверное, бежал из плена,
Вырвался недавно из беды.
Опустившись на одно колено,
Девочка дала ему воды.
Пил он так, как будто бы впервые
Освежала рот ему вода,
Будто капли серебра живые
Не глотал он в жизни никогда.

Он лежал, печально в небо глядя,
И спросила девочка его:
«Ой, наверно, очень больно, дядя?»
Человек ответил: «Ничего!» —
«Подожди, я сбегая до мамы,
Так лежать (ведь тяжело на земле).
Головою замотав упрямо,
Застонал: «А немцы есть в селе?» —
«Нет!» — «Ну, тогда беги, дочурка,
Только лоб водою мне омой».
Меж деревьев проскользнувши юрко,
Побежала девочка домой.

Он лежал, к земле прижавшись ухом,
Слушал утренний далекий гул,
Одуванчик сероватым пухом
К обескровленной щеке прильнул.
В тень оврага пропустили лозы
Два широких солнечных луча.
Возле ручейка ходили козы,
Легкими копытцами стуча.

Мать пришла и всгала, пригорюпясь.
Тридцати еще не будет ей.
Словно улетающая юность —

Черные раскрыли бровей.
Головою закачала мерно,
Подала пшеничный хлеб и сыр
И спросила: «Командир, наверно?»
И беглец ответил: «Командир!» —
«Если можешь встать, пойдем до хаты,
Отдохнешь и перебудешь тут.
Дай нам бог, немецкие солдаты
В наш куток и вовсе не зайдут».

Помогла подняться, и обходом,
Гумнами, сквозь шаткие плетни,
Садиком вишневым, огородом
Очень медленно прошли они.
Голова, как раньше, не дрожала,
И земля была ногам легка.
В обессиленной руке лежала
Жесткая крестьянская рука.

...На кровать пришельца уложила,
По полу рассыпала полынь,
Печь сухой соломой протопила,
И по хате потекла теплынь.

Через час начальник начал бредить,
Канул в лихорадочную тьму,

Злые сны, как черные медведи,
Разрывали голову ему.

Бороздили судороги тело,
Вырастало пламя на стене,
И шаги |вчерашнего расстрела
Раздавались в гулкой тишине.

Сколько суток не спала хозяйка
Около кровати беглеца,
Детскую рассказывала байку,
Песню без начала и конца!

«Мой, наверно, тоже где-то ходит,
И твоя, наверно, тоже ждет...»
Истово молилась на восходе,
От учительки носила иод
И червей из раны вынимала
Пальцами. «Терпи и не кричи!»
А потом с ухватом колдовала
Около пылающей печи.

Но стряслась беда. В вечернем мраке
Фуры громыхнули тяжело,
Яростно залаяли собаки:
Немцы снова въехали в село.

Поздно прятаться. Вломились в хату
Два солдата, развалив покой,
Оглядели полки воровато
И к кровати: «Это кто такой?» —
«Это муж. Пришел он издалече, —
Отвечала, сдерживая дрожь. —
На дороге бомбой искалечен,
Больше никуда уже не гожд».

Немец хапал молоко и мясо,
Пил сырые яйца, как хорек,
А потом от похоти затрясся
И к себе он женщину привлек.

«Окаянный, при живом-то муже!» —
Ненавистью немца обожгла,
Косу темную свернув потуже,
Молча рядом с пленником легла.
Немцы развалились по перинам,
Затворивши двери на засов,
Храпом перекатистым, звериным
Заглушая тиканье часов.
Надрывалась над вишневым садом
Соловья певучая душа.
Женщина лежала с пленным рядом,

Незнакомой теплотой дыша
И шепча: «Не убивай их, милый,
Вытерпи, не век продлится ночь.
Я б'сама ножом их порешила,
Только знаешь — у меня ведь дочь.
До тебя не допущу беду я,
Примиришь же о мукою такой».

...До рассвета голову ~~одую~~
Гладила шершавою рукой.
Он не спал. Солдаты встали рано,
Поклопались в сундуках, ушли.
От волнения разболелась рана,
Стены пред глазами поплыли...
Женщина ушла доить корову,
Закрывая хусткою лицо.

Одеяло сняв рукой здоровой,
Встал беглец и вышел на крыльцо.
«Что ж, хозяйка, вот и ходят ноги,
У тебя я поднабрался сил.
Напеки мне пышек для дороги,
Не сердись, что долго погостил».
Глянула глазами молодыми,
Прощептала быстрые слова:

«Приходи скорее со своими,
Может, буду я еще жива».
Кем была ты, Вербина Христина?
Деревенской женщиной простой?
Милою крайной — Украиной?
Сказкой счастья? Вечной красотой?

7

Ветер изменчив — то в спину, то в грудь.
Снова рассвет золотой и чудесный.
Путь бегледа — нескончаемый путь,
Что не украшен ни словом, ни песней.
Ноги распухшие колет стерня,
Смерть поджидает за каждым пригорком.
«Хлебом кормили крестьянки меня.
Парни снабжали махоркой».

Друг бы тебя не узнал нипочем:
Косоворотка в лиловую краску,
Торба пустая висит за плечом,
Заячья шапка скрывает повязку.
Нет ни тепла, ни покоя нигде —
Выдадут, скажут, заметят, услышат.
Можно бы спать на пшеничной скирде,

Если б не жадные черные мыши:
Тишь деревенскую рвут на клочки
Хрустом, вознею и писком нестройным.
Зря не расскажут примет старики —
Черные мыши сопутствуют войнам.
Помниться будет тебе и во сне
Рек серебро в черноземной оправе,
Как умирает закат на Десне,
Как созревают сады на Полтаве.
Как нестерпимо под солнцем горят,
Кровоточат незажившие раны.

Все-таки счастье пришло, — говорят,
В этом овраге живут партизаны.
Он их искал среди пыльных дорог,
В темных ночах и предутренней рани, —
Так идет разбитый корабль островок
В бушующем океане.

Вышел навстречу костлявый старик,
Облик его показался знакомым:
Сельский, да видно — науку постиг,
Был он бухгалтером или агрономом.

«Кто ты такой и откуда бредешь? —
Трубочку выбив, спросил он степенно. —

Ты на солдата совсем не похож...» —
«Я командир, убежавший из плена». —
«Трудно поверить. Ну что ж, докажи,
Что ты здесь жнешь, что боронишь и сеешь.
Хочешь, партийный билет покажи,
Может, еще документы имеешь?» —
«Я без сознания валялся в пыли
В час, когда наши полки отступали,
Видно, решили, что умер — ушли,
Все документы с собою забрали.
Только поверьте, примите в отряд.
Буду до смерти служить беззаветно».
Грустный, а все же не ласковый взгляд
Из-под бровей покачнулся ответно.
«Вот тебе сала хороший шматок,
Хлеба захочешь — и хлебом поможем.
Солнце покажет пути на восток,
Прямо иди, только будь осторожен.
Если ты Родину носишь в груди,
Выйдешь к своим, повоюешь на славу.
Так мы не можем принять. Уходи!
Сам понимаешь — немислимо, право!»

Снова полей бесконечный простор.
Тяжко дыша, словно в гору крутую,

Пленный влачил по земле свой позор —
Заячью шапку и торбу пустую.

Где-то есть армия, где-то Москва,

Дом. Комнатушка с рисунками брата.

Что же с Москвою — жива? Не жива?

Может быть, немцы идут по Арбату?

В селах — подобия страшных ворот —

Черные трупы висят на веревке.

Часто стирая струящийся пот,

Взглядом пытливым ты ищешь листовки

Вот она! Втоптана в грязь сапогом.

Господи, как ты схватил ее жадно.

В ней ведь о самом твоём дорогом,

Том, что 'уйти не могло безвозвратно.

Прыгают перед глазами слова:

«Русские люди, боритесь и ждите!»

И долгожданная подпись:

«Москва».

Значит, незыблема, значит, жива,

Ты вместе с нею — и ты победитель!

После, когда мы шагали вперед,

В дни сталинградской святой эпопеи,

Свой сорок первый трагический год

Я вспоминал, ни о чем не жалея.

Если ты выдержал, если ты мог
Верить в победу под дулом винтовки,
Честь твоя, втоптана в землю дорог,
Не умирала, подобно листовке.

Снова сухое пылание дня,
Снова овраги, долины, пригорки...
«Хлебом кормили крестьянки меня.
Парни снабжали махоркой».

8

Поле цветущей розовой гречки,
Пчел несмолкающая работа,
И темносиние человечки
Возле игрушечного самолета.
Это увидел вдали бродяга
В заячьей шапке, худой, небритый,
Вылезший только что из оврага,
Где он до полдня спал как убитый.
Что это? Сон, беглеца томящий?
Образ, рожденный воздушным током?
Нет, самолет стоит настоящий,
С красной звездой на хвосте высоком!

Пчел и цветов первобытный хаос,
И дюралюминиевое 'сверканье!
Он побежал, побежал, задыхаясь,
Снова вступив с судьбой в состязанье.
Он истушленно кричал: «Товарищ!»
Падал, потом поднимался снова,
Эхо вдали отвечало: «...варишь» —
Глушое эхо — лесное слово!

Нет, не услышат. Лишь ветер холодный
С криком его по степям помчался.
Может быть, чучелом огородным
Летчикам издали он казался?
Медом от гречки тянуло сладко.
Черные руки вытер механик.
Ковчилась вынужденная посадка,
Дрогнул мотор, затаив дыханье,
И заревел. И пошла стелиться
Гречка под ветром неукротимым,
И побежала по полю птица,
Солнце обдав синеватым дымом.
Пленный за ней тропинкою лисьей,
С сердцем, стучащим, как бубен, несся.

Но над землею уже повисли
И затанулись в крыло колеса,

Зияли вокруг разоренье и дикость,
Разруха чернеда в проулке любом,
Валялись на площади сломанный фикус
И старый, в застезках, семейный альбом.
Искал он людей, окликал их, но тщетно,
Лишь хлопали ставни — игрушки ветров.
Местечко молчало в тоске безответной.

Вот домик последний, за домиком ров.
И ворон над рвом чернокрылый и строгий,
И красное что-то в колючих кустах,
И только торчат беззащитные ноги
В заштопаных крестиком черных чулках.

Молчанье расскажет, как били прикладом,
Орали и лаяли: «жид» или «рус»,
А маленьким губы намазали ядом,
Мертвящим не сразу и сладким на вкус.
Ты отдыха ищешь, но разве ты смеешь
Хоть час отдохнуть, не дойдя до своих,
Не мстить, ненавидя, душою измерив
Бездонную пропасть страданий людских!

Ты дышишь еще! Так иди же, иди же
Туда, где в бою изнывают друзья.

Чем раньше на фронт, тем скорее и ближе
Твое возвращение в эти края,
Затем, чтобы немцы вовек не вернулись
В свой старый, наполненный краденым, дом,
Чтоб здесь, далеко от готических улиц,
Им готика обернулась штыком!
Любитель поэзии, песен красивых
Не жди от меня. Я их петь не могу —
Я полз окровавленный, вшивый, в нарывах,
Как хлебом, питаюсь лишь злобой к врагу.

10

Не разбудит под утро петух,
Пожелав пешеходу удачи, —
Разве тот, что недавно потух,
Золотым гребешком отмаячив.
Чтоб колеса машины, крутясь,
Не сползали в колеиные реки,
Стелют немцы в дорожную грязь
Книги харьковской библиотеки.
Серый дождик заткал полземли,
Путь поток преграждает потоку.
К югу, к югу летят журавли,
А тебе лишь — к востоку, к востоку.

А на зорях уже холодок,
Села мертвые в горестном дыме.
На серебряных лужах ледок
Он ломает ногами босыми.

Нет. Не вырваться мне из беды.
Нет конца этой страшной дороге.
Из рубашки не выжать воды,
Не согреть посиневшие ноги.

Я уж вижу последнюю тьму
В черноземном раскиснувшем тесте.
Тяжело умирать одному,
Жизнь закончить пропавшим без вести.
Нет, уже невозможно шагать,
Скоро ветер сознание погасит.

Он упал и поднялся опять.
И упал, как подрубленный ясень.

И последний воздух сырой
Он вбирает хрипящею грудью.
Что за рокот и гул за горой?
Ты прислушайся —
Это орудья!

Значит, линия фронта близка.
Что там слабость, болезнь и усталость.
Там сражаются наши войска.
Доживи! Уж немного осталось.
Доживи, доборись, доползи!
Не сдается твое колено!

И ползет он в октябрьской грязи
На разбитых локтях и коленях.
В желтых травах обрывистый склон,
И картавые крики патруля.
Прожужжав над землею вдогон,
Снова руку ужалила пуля.

Ничего! Доберусь, доползу...
Кровь толчками выходит из раны.
Вот глубокий овраг. Там, внизу,
Штык мерцает — четырехгранный.
Там боец в карауле стоит
Со звездой на старой пилотке,
Мокр до нитки, устал и небрит,
В потемневшей шинели короткой.

Он увидел в траве беглеца,
Наклонился, взгляделся пылливо

В синеватую бледность лица,
Что ему показалось счастливым.

О, какое блаженство лежать,
Победителем муку приемля,
Окровавленным ртом целовать
Эту верную мокрую землю!
Штык струился лучом золотым,
День был светлый, как солнце, горячий.

...Наконец я добрался к своим.
Мне легко. Не смотри, что я плачу.

Действующая армия
1942—1943 г.

Л И Р И К А

Где ты ходишь, недотрога,
Огонек далекий мой?
Мчится, вертится дорога,
Заметенная зимой.

Что скажу я, что отвечу,
Если свидимся с тобой?
Две машины мчат навстречу
По дороге голубой.

На обочине шоферы
Пронеслись — к крылу крыло,
Громыкает лист фанеры,
Заменяющий стекло.

По суровому закону
Нам — лишь мимо промелькнуть:
Если мне — дорога к Дону,
Ты до Волги держишь путь.

Снова степь, метель, да вежи,
Да гряда задонских гор.
Может, было бы навеки,
Если б тормоз дал шофер.

Что ж поделать, если надо
Пролетать на всем газу,
Не успев заметить взгляда,
Не успев смахнуть слезу.

ВЕЧЕРИНКА

Должны собраться к десяти,
Не смея опоздать,
С собой покушки принести,
Ногою в дверь стучать.
Друзья шумят, что пуниш готов,
Что рислинг слишком слаб,
Что просто пища для богов —
Дальневосточный краб.
За что здесь пьют, за что здесь пьют?
За философский институт,
За безмятежный бег минут,
За светлые года.
Скупой студенческий уют,
Как щедр он был тогда!
Поет, сверкает патефон,
Иголкой скользя,
И ты уже почти влюблен

В хозяйкины глаза.
И так светло и горячо
Сиянье милых глаз.
И крупшовская сталь еще
Не задевала нас.
Володя, злой соперник мой,
О, если б раньше знать,
Что возле гаубицы одной
Придется нам стоять!
Вразвалку, грузно входит в дверь
Угрюмый Ярослав.
Где ты, мой друг, лежишь теперь,
Как пламя отпылав?
Идет пирушки звонкий час,
И облака молчат,
Что сто дивизий против нас
На западе стоят.

На Дону
Август 1942 г

ГОГОЛЕВСКИЙ БУЛЬВАР

Словно радуги, скакалки
Круглые летят.
Девочки играют в салки,
Мальчики — в солдат.
И следит за ними строго,
С бронзовой спиной,
Николай Васильич Гоголь,
Грустный и больной.
Он один сегодня мрачен,
Тенью скован весь.
Не возьмем его на дачу,
Пусть сидит он здесь;
Без него поедем, дочка,
К солнцу деревень;
Будем замки из песочка
Строить целый день;
Будем на сырых тропинках

Слушать соловья,
Галя, Галинька, Галинка,
Девочка моя.
Виснет на деревьях сада
Мягкая жара,
Скоро спустится прохлада, —
Гале спать пора.
Золотым мерцают светом
Зорьки паширос,
И в руках лежат букеты
Круглощеких роз.
Голубое полнолуние,
Чистый небосвод.

.
Двадцать первое июня,
Сорок первый год.

1942 г.

СИРЕНЬ

В окоп донес июньский день
Умытых листьев порох,
И пахнет юная сирень
Сильней, чем старый порох.

Хоть вдоль садов проходит фронт,
Но взяли цвет сирени
Село, и нежный горизонт,
И голубые тени.

Ты далеко. Тебя здесь нет.
Но для тебя я снова
Собрал трепещущий букет,
Прохладный и лиловый.

В снарядной гильзе он стоит
В землянке батальонной,

Холодным пламенем горит,
Как будто спирт зажженный.

Придут усталые друзья,
И радостно им станет.
Любовь моя — сирень твоя
Сияет и не вянет.

Курск
1943 г.

ТАНЦЫ ДО УТРА

Воет вьюга на Осколе,
По реке скользят ветра.
Говорят, сегодня в школе
Будут танцы до утра.

Хриплый голос радиолы,
Снег, летящий на порог,
Запах пудры невеселый,
Топот валеных сапог.

Танца вечная погоня
Удивительно легка,
И лежит в моей ладони
Незнакомая рука.

Вряд ли вы меня поймете
В ваши восемнадцать лет.
Я собьюсь на повороте
И один уйду в буфет,

Где, имея на примете
Платье в розовых цветах,
Вперевалку, как медведи,
Ходят летчики в унтах.

Наш отъезд назначен на семь.
Чуть светлеют небеса.
Чем же мы судьбу украсим
За последних два часа?

Только сядем по машинам
Под брезентное крыло,
Ты рукою помаши нам
Сквозь морозное стекло.

И запомни нас такими —
В перекрещенных ремнях,
Некрасивыми, родными,
С автоматами в руках.

И прости, что едем мимо,
Что в больших глазах твоих
Видим мы глаза любимых
Дальних ласточек своих.

Купянск
Февраль 1942 г.

* * *

Знойный полдень. Разгар перепалки.
Душен август, и воздух струист.
Возле ключика в Диковой балке
На траве умирает танкист.

Красотою последней красивый
И последней кровинкой живой,
Как теперь повелось в России,
Он на запад лежит головой.

Только руки сжимаются крепче,
Только бродит в глазах забытье.
Что губами сухими он шепчет?
Я прислушался — имя твое.

Если разговор это от боли,
Пусть он шепчет опять и опять.
Я ведь тоже у смерти не в доле, —
Как я смею тебя ревновать.

Дикова балка
1942 г.

* * *

Вдали промчится конница,
Умчат мои надежды.
Когда война закончится,
Ты будешь жить, как прежде,

В своей квартире киевской,
Над милою рекою,
Простое счастье выискав
И радуясь покою.

И тот, кому достанется
Все то, о чем тоскую,
Простит былую 'странницу,
Домашнюю такую,

За ту любовь военную,
В степях за дальней далью,

Что не была изменою
И кончилась печалью.

Беспечно дни покатятс_,
Уснешь ты на диване
В том самом синем платье,
Что возишь в чемодане.

Тебе приснится, может быть,
Медовый запах лета,
Луна, коней стреноженных
Прямые силуэты,

Полет ракет над Волгою,
Звон стекол в старом доме,
И разговоры долгие
Под небом на соломе.

И, может, вспомнишь близкого,
Что, не ища уюта,
В шинель кавалерийскую
Тебя тогда закутал.

С. Дубовка
1942 г.

РАНЕНЫЕ

Взошла рассветная звезда,
И время к солнцу ближе.
Увижу, или никогда
Я солнца не увижу?

Товарищ раненый, не спи,
Дышу я еле-еле.
Торжественный рассвет в степи
Играет на свирели.

Прохлада трогает лицо,
Звезда над нами вьется,
Как парашютное кольцо
Вытягивая солнце.

Как вытянет — начнется бой,
Кипенье дикой силы...

И, может, только нам с тобой
Уже не встать с носилок.

А все же наша жизнь была,
Скажу я перед гробом,
Частицей раннего тепла,
А не ночным ознобом.

Отбросив наступление тьмы,
Испытаны бедою,
Еще не солнцем были мы,
Но утренней звездою.

Дубовка
Сентябрь 1942 г.

ПЕЛЕНГ

Певица по радио пела,
И голос летел далеко,
Сперва осторожно, несмело,
А после, как птица, легко.

Был город в тугие объятия
Тревожного сна погружен,
Была она в бархатном платье,
Стоял перед ней микрофон.

А где-то в небесном молчаньи,
Стараясь держаться прямой,
С далекого бомбометанья
Летят самолеты домой.

Несут они много пробоин,
Идут тяжело в облаках,

Сидит за приборами воин
В своих марсианских очках.

Певица о юности пела,
О лебеде и о тоске.

Анодная лампа горела
На аспидно-черной доске.

Из Гамбурга яростный зуммер
Свистел, и гремел, и урчал,
Но голос певички не умер,
Он только сильнее звучал.

Два мира в эфире боролись.
Сквозь бурю, сквозь грохот и свист
Услышал серебряный голос
В наушниках юный радист.

Узнав позывной Украины,
Над крышами горестных сел
Пилот утомленный машину
По песне, как лебеда, вел.

Пришли самолеты на базу,
Родные найдя берега,
И песня, пожалуй, ни разу
Им так не была дорога.

ЗАСТОЛЬНАЯ ФРОНТОВАЯ

Не столы настоящие
Украшают наш дом.
На снарядные ящики
Мы газету кладем.

По сто грамм нам положено -
Фронтовой наш паек.
Есть здесь банка порожняя.
Наливай-ка, дружок,

За страну Белорусскую
Выпьем этот бокал,
С той заморской закуской,
Что союзник прислал;

За землянку уютную,
Фонаря огонек,

За машину попутную,
Если путь твой далек;

За родного товарища,
С кем шагаешь сквозь дым,
С кем всегда укрываешься
Полушубком одним;

За далекую ласточку,
Что тоскует и ждет,
Чья веселая карточка
С нами в битву идет.

Выпьем весело сразу мы,
Не поморщась, до дна.
Тостов много уж сказано,
Жаль, что чарка одна.

1943 г.

БЕРЕЗКА

В лесу сляла тонкая березка,
Стройна, зеленокоса и бела.
Как будто бы бумагой папиросной,
Она корой обернута была.

Ее пробили острые осколки —
Рванулась мина метрах в десяти.
Щебечущие ветви приумолкли;
Свернулись опаленные листья.

Напополам был ствол ее расколот
Оттуда кровь древесная текла.
Потом была зима, железный холод.
Казалось, что березка умерла.

Я снова в этот лес пришел в апреле,
Разбитую березку встретил там,

Уже листки чуть-чуть зазеленели,
И затянулся прошлогодний шрам.

Смотрю я на прекрасную природу
И говорю ей: «Век суров. Ну что ж,
Ты, кажется, сродни тому народу,
С которым вместе дышишь и растешь».

Май 1943 г.

КИЕВ

В золотую кипень Киева
Привели меня дороги.
Я тогда узнал, какие вы,
Дни, у счастья на пороге.

Вздутый северными речками,
Днепр был синим и упрямым
И цвели каштаны свечками,
И казался город — храмом.

До зари бродя над кручами,
По тропинкам и уступам,
Мы друг друга сладко мучали
Невозможным, недоступным.

Безмятежные, влюбленные,
Жили мы в «Континентале».

Прямо в окна растворенные
Птицы ранние влетали.

Было все такое новое,
Словно в первый день творенья.
Украинской мягкой мовою
Начиналось откровенье.

Чтоб навек остались дóроги
Ночи звездные в июне,
Песню о любимом городе
Сочинил мечтатель юный.

Он не знал, что окровавленным
Здесь ему упасть придется
И испить воды отравленной
Из разбитого колодца.

Он совсем не знал тогда еще
Невеселой киевлянки,
В полк сегодня уезжающей
На грохочущей тачанке.

1942 г.

НА ДЕСНЕ

Наполнив каску голубой водой
И голову лихую запрокинув,
С улыбкой пьет гвардеец молодой
Струю Десны — напиток Украины.
Он, как вино, родную воду пьет,
От радости и гордости пьянея.

В дыму, в крови грохочет наш поход.
Но чем трудней удача, тем вернее.
Вокруг стоят осенние леса,
Подернутые дымкой золотистой,
И вновь на все лады и голоса
В долинах эхо повторяет выстрел.

Не зачерствело сердце на войне,
Оно осталось жарким и влюбленным.
Оно прозрачной говорит волне,

Поющей и журчащей под понтоном:
«Струись, плыви до милого Днепра
И передай Владимирским высотам,
Что скоро сгинет черная пора,
Что мы идем с рассвета до утра
И шаг наш богатырский схож с полетом».

Жара и пыль, и марш, и бой в лесу.
Гвардеец снова надевает каску.
Вода струится по его лицу,
Прохладу отдавая, словно ласку.

1943

РАЗГОВОР ВОЛГИ С ДОНОМ

СТАЛИНГРАД

Его мы любили таким —
Просторным, цветущим и стройным,
Веселым, стеклянным, сквозным,
Трудящимся, чистым, спокойным.

Казалось — в нем все города
Сошлись показать свою прелесть.
Его отражала вода,
И песни над Волгою пелись.

Подстриженный солнечный сад
Мы тракторным звали заводом.
Степной богатырь — Сталинград,
Как в сказке, светлел с каждым годом

К нему подступила беда
Нежданно, как к горлу рыданье.

Забывать ли то утро, когда
Их танки прошли по окраине?

Он с воздуха весь разнесен,
Обстрелом с земли изувечен,
Разгромлен... И все-таки он
Незыблем в душе человеческой.

Мы любим наш город таким —
Суровым, бесстрашным и твердым,
Разбитым, сторевшим, ночным,
Несчастливым и все-таки гордым.

Любовь эта очень крепка,
Ей служит страданье основой.
Так любят отца-старика,
Так любят ребенка больного.

В сраженьи за город родной
Достанется право любить нам.
За каждую комнату — бой.
За каждую улицу — битва.

Нет, сердцу мириться нельзя
С обугленной черною тучей.

**И только закрою глаза,
Вновь вижу я город цветущий.**

**Словам не изменим своим,
Пусть бой беспощаден и страшен.
Наш город. Ты будешь таким —
Просторным, прозрачным, живым,
Прекрасным, как в памяти нашей.**

БОМБЕЖКА

Детей, завернутых в одеяла,
Несли на пристань.
Воронок язвой земля зияла, —
Шел третий приступ.

На старой барже огонь косматый
С обшивкой грызся.
Сирена выла, и по канату
Бежала крыса.

По узким доскам, по переборкам,
По лужам масла,
Дыща безумьем, шла мать с ребенком
В пеленке красной.

Мы слишком много видали крови.
Чтоб ошибиться:

С тяжелой тучей почти что вровень
Парил убийца,

А вражки роты уже в предместьях
Ползли, как змеи.

О чем, товарищ, коль не о мести,
И думать смею?

НЕДОСТРОЕННЫЙ ДОМ

Дома, где хорошо жилось
Простым и мирным людям,
Огнем пробитые насквозь,
Быть может, мы забудем.

Мы видели их столько раз,
Что уж теперь, пожалуй,
К несчастью пригляделся глаз,
Привычкой стала жалость.

Но тот семиэтажный дом,
С фасадом в прах разбитым,
Был схож скорее с чертежом,
Чем с человеческим бытом.

Еще не вставлено стекло,
Еще карниз без лепки,

Снарядом стену` рассекло,
Леса разбило' в щепки.

Он подрастал, как в сказке, здесь,
Средь сереньких хибарок,
Он рвался в будущее весь,
Лучился, как подарок.

Мы любовались каждый день
Его убранством стройным.
Ужель теперь он — лишь мишень
Снарядам дальнобойным?

Я каменщиком раньше был,
Теперь я только воин,
Но не забыл я, не забыл,
Что дом мой недостроен.

СТАТУЯ

Осада, осада, осада,
Ворочанье дальних громов,
Пыланье осеннего сада
Среди догоревших домов.

Здесь раньше гуляли и пели,
Здесь девочкой бегала ты.
Под кленами вырыты щели,
На клумбах помяты цветы.

Сваряды проносятся с воем.
Случайной шрапнелью разбит,
Из белого мрамора воин
На главной аллее стоит.

Рука и винтовка отбиты,
И полголовы снесено,

**И гипсовых глаз орбиты,
Наверно, ослепли давно.**

**В шинели задымленной, рядом,
Небритый, усталый, живой,
Не кланяясь злобным снарядам,
С винтовкой стоит часовой.**

БАРРИКАДА

Прощай, моя радость,
И плакать не надо.
На улице, рядом,
Нас ждет баррикада.

Впиваются пули
В угрюмый булыжник,
В комоды и стулья
Из домиков ближних.

Не знают покою
Сегодня мушкеты,
Колючей щекою
Приклады согреты.

На улице этой,
Я помню, жила ты,

И ветры рассвета
Здесь были крылаты.

Здесь в классы играла
И бегала в школу,
И звезды считала
С мальчишкой веселым.

И снова тревога,
Сраженье... Однако —
Не мало, не много —
Шестая атака.

Атаку отбили
За светлые дали,
За дом, где любили,
Смеялись, страдали.

Мальчишка, с которым
Ты звезды считала,
С тускнеющим взором
Ложится устало.

Сестра наклонилась —
Завяжет, поможет.

(Иль это приснилось,
Что так вы похожи?)

И память в дыму,
И расколота каска,
И больше ему
Ни к чему перевязка.

А вдруг подрастала
В другой стороне ты,
Не эти кварталы
Тобою согреты?

Быть может, не знаю -
И помнить не надо.
Ведь я защищаю
Твою баррикаду.

Дома за спиною
Дымят, догорая.
Ты здесь, ты со мною,
Моя дорогая.

БОРЬБА ЗА КОМНАТУ.

У нас с тобою, правда, не квартира —
Студенческая комната была.

Стоял диван. Висела карта мира,
В углу в коляске девочка спала.

Мы говорили — скоро переедем
На новые просторные места,
А эту площадь отдадим соседям, —
Смешная довоенная мечта...

...Вокруг углы ощерились, как волки,
И обвалилась лестница в огне.
Фарфоровые слоники на полке
Остались на единственной стене.

Но комната — она цела покуда.
Стальными балками завален вход.

Немецкий автоматчик бьет оттуда —
Стрельнет, затихнет и опять стрельнет.

Он воду пьет из Галинькиной кружки
И, разорвавши карту на куски,
Себе под локти положил подушки,
Где сохранился след твоей щеки.

Напротив есть оконце слуховое,
Его еще не тронула беда.
Не замечая грохота и воя,
По рваным крышам я ползу туда.

Час или день наш поединок длится,
А немец все сидит в моем дому.
Не день, быть может — год придется биться,
Но комнаты я не отдам ему.

РАЗГОВОР ВОЛГИ С ДОНОМ

Слышал я под небом раскаленным,
Через сотню верст, издалека,
Разговаривала с синим Доном
Волга-мать река.

«Здравствуй, Дон, товарищ мой старинный.
Знаю, тяжело тебе, родной.
Берег твой измаялся кручиной,
Коршун над волной.

Только я скажу тебе, товарищ,
И твоим зеленым берегам:
Никогда, сколь помню, не сдавались
Реки русские врагам».

Дон вдали сверкнул клинком казачьим
И ответил Волге: «Труден час,
Горько мне теперь, но я не плачу,
Слышу твой наказ.

Русских рек великих не ославим,
В бой отправим сыновей своих,
С двух сторон врагов проклятых сдавим
И раздавим их».

Волга Дону громко отвечала:
«Не уйдет противник из кольца.
Будет здесь положено начало
Вражьего конца».

Темным гневом набухают реки,
О которых у народа есть
Столько гордых песен, что вовеки
Их не перечесть.

Реки говорят по-человечьи,
Люди, словно волны, в бой идут.
Немцы на широком междуречьи
Смерть свою найдут.

Бой кипит под небом раскаленным.
Ни минуты передышки нет.
Волга разговаривает с Доном,
Дон гремит в ответ.

Ставица Перекопская
Август 1942 г.

ВЫСОТА

Знакомые наши места —
Овраги да степи без края,
А дальше в дыму — высота,
По карте — сто двадцать вторая
Туда мы смотрели не раз,
Кусая засохшие губы,
Впивались во впадины глаз
Бинокли и стереотрубы.
Никто не заметил, как с гор
Прозрачная дымка струится.
Мы видели только бугор
Да вражьи окопы бойницы
Потом зазвенела зима,
Просторы степей побелели.
Нас ярость сводила с ума,
Когда мы на сопку глядели.

И вот громыхнуло — «ура!»
В атаку пошли батальоны.
Уже перед нами гора...
Бегом на колючие склоны,
По трупам немецким — вперед.
И — наша седая вершина,
Орудия, вросшие в лед,
Осевшие набок машины.
Впервые заметили мы
Высокое солнце над степью,
Хрустальные травы зимы,
Морозное великолепье.

Так вот как поет и звенит
Донскую мелодию ветер.
Как утренний воздух пьянит,
Как славно живется на свете!
Так вот какова высота.
Ты раньше и ведать не ведал,
Какая вокруг красота,
Коль смотришь глазами победы.

Северо-западнее Сталинграда

МЕРТВЫЙ НЕМЕЦ

(Из Л. Первомайского)

Немец в серо-голубой шинели, —
Тот, кто дом и мир твой растоптал, —
Поперек пути, среди метели,
Пулею подкошенный, упал.

Он лежит в холодной красной луже,
Леденя с головы до ног.
В этот зимний день, седой от стужи, —
Кроме этой, нет тебе дорог.

Отдыхать тебе еще не время.
Сумрак ледяной бугры укрыл,
Может, этот черный, волчье семя,
Мать или жену твою убил.

Он лежит, смотря стеклянным взглядом
Победитель десяти держав.

Ты его прикончил — так и надо,
Чтобы он поверженный лежал.

Ночь придет. Степной буран косматый
Вылетит в отчаянную тьму.
Будет волк трубить над волчьим братом,
Разорвав клыками грудь ему.

Злое воронье в пустых просторах
Будет хлопать крыльями во мгле.
Он тебе и после смерти — враг —
Мертвый немец на твоей земле.

Злодеяния его не смыты.
В гневе сокрушающем своем
Через труп его перешагни ты
На пути в свой опаленный дом.

СОВЕТСКИЕ ТАНКИ В БРЮССЕЛЕ

Я не знаю, где их подожгли.
На Кубани, быть может...
Иль за Доном
Погибли носители русской брони
Был недолог их век,
Но он славно и яростно прожит.
И, уже запылав,
Шли,
Стреляли,
Давили они.

Немцы их захватили.
Огонь вырывался со свистом.
Даже к мертвым машинам
С опаской сползались враги.
Там,
Под люками,

Черные руки сгоревших танкистов
Крепкой хваткой
Сжимали
Оторванные рычаги.

Чтобы скрыть
Свой провал и позор своего отступленья,
Чтоб забыть,
Как гремит между Волгой и Доном метель,
Повезли их в Европу —
Показывать для устрашенья.
Так сгоревшие танки
Приехали в старый Брюссель.

Их на площадь поставили.
Хрипло смеялись убийцы,
А советские танки
Стояли угрюмой стеной.
И в глубоком безмолвьи смотрели на башни
Бельгийцы
И, пока не стемнело,
Старались пройти стороной.

Ночь настала.
Уснул грустный город немецкого плена.

Груды стали уральской
Мерцали под фландрской луной.
Там, где шел Уленшигель,
Шагали захватчики в шлемах.
Ночь пугала их всем:
Темнотою, луной, тишиной.

Рассвело.

Что случилось?

Нет башен стахановской сварки.
Все покрыто цветами —
Кровавыми сгустками роз,
И гирлянды тюльпанов
Горят непреклонно и ярко,
И роса в лепестках,
Словно капли искрящихся слез

Это были «КВ»

Или верные «тридцатьчетверки»,
И казалось брюссельцам —
Сейчас их броня оживет
И над башней поднимется
Парень
В простой гимнастерке
И на битву с врагами
Бельгийский народ позовет.

О ТОМ, О ДАЛЕКОМ

Опять о далеком, о том
Полночные наши беседы,
Как будет нам житься потом,
Когда мы добьемся победы.

Закроются раны невзгод,
Остынет металл раскаленный,
А поле травой порастет —
Быльем да былинкой зеленой.

На улицах скроется тьма,
Увидим — наш город разрушен,
Руинами стали дома,
Но сделались крепкими души.

Коль я не увижу, так ты
Увидишь, хотя и не скоро,

Начало такой чистоты,
Истоки такого простора.

● Угрюмый мой друг говорит
О самом далеком и близком,
И женщина рядом сидит
В шинели и в шлеме танкистском.

О чем загрустила она,
Иль кажется злой и усталой, —
Что в жизни осталась война,
А все остальное пропало?

Неправда. Ты в мире найдешь
Не только потери и беды.
Ты выжить должна. Ты вдохнешь
Серебряный воздух победы.

И, может, тогда в тишине
Такая наступит минута...
Пусть это счастье — не мне,
Но все-таки будет кому-то.

Район Сталинграда
Сентябрь—октябрь 1942 г.

ТАНКИ ИДУТ ВПЕРЕД

ПОНЫРИ

Есть между Курском и Орлом
Вокзал и станция одна —
В далеком времени былом
Здесь проживала тишина.

Лишь временами гром и дым
Врывались весело в вокзал:
Зеленый поезд, шедший в Крым,
Здесь воду пил и уголь брал.

Здесь разливали молоко,
Кур покупали впопыхах.
Свисток. И поезд далеко,
В полях, во ржи и васильках.

Я снова в памяти найду
Полоску розовой зари

И эту станцию в саду,
С названием странным — Поньри.

...Мы взяли станцию зимой,
И бой на север отошел,
Туда, где линией прямой
Стремятся рельсы на Орел.

Но километрах в десяти
Мы встали. Грянула весна,
И ни проехать, ни пройти —
Весной захлеснута война.

В тиши прошли апрель и май,
Июнь с цветами у траншей,
Жил, притаясь, передний край
Невдалеке от Поньрей.

И грянул, наконец, июль.
И пятого, в рассветный час,
Снарядов гром и взвизги пуль
И танки ринулись на нас.

Завыли бомбы. Черный вихрь
Засыпал не один блиндаж.

Приземистые танки «Тигр»
Передний край прорвали наш.

Но все ж никто не побежал,
Не дрогнули порядки рот,
И каждый мертвый здесь лежал
Лицом к врагу, лицом вперед.

Стояли пушки на холмах,
Почти у самых Понырей,
Остались на своих местах
Лежать расчеты батарей.

И вот остановился враг
В огне, в крови, в дыму, в пыли—
На поле танковых атак—
Столбы металла и земли.

Наверно, курский наш магнит
Притягивает их сюда.
И танк идет, и танк горит,
И замирает навсегда.

И снова лезут. И опять
На танке танк, на трупе труп.

И надо биться, жить, стрелять,
Стирая пену с черных губ.

Огонь безумствовал в полях.
Я посмотрел в глаза людей,
И я увидел в них не страх, —
Лишь верность родине своей.

Враг не пройдет, враг не пройдет —
Мы стали на пути горой.
Теперь не сорок первый год,
Не горький год сорок второй.

Гревели в долах и лесах
Бои с зари и до зари.
Орел и Курск — как на весах,
А посредине — Поньри.

В огне мы взяли перевес...
Траншей оставив берега;
Мы двинулись наперерез
Дивизиям врага.

Сражение изменило курс.
Сто их полков пошло в разлом.

Был сбит удар с Орла на Курск
Ударом с Курска на Орел.

Как вьюга, ледени врагов
Снарядов оголтелый вой,
Среди цветов, а не снегов,
Нам было наступать впервой.

Но здесь теперь увидишь ты
Могилы яростных врагов:
Кресты, кресты, еще кресты,
Полки, дивизии крестов.

Их проклятые имена —
Смотри, их сколько нанесло,
И дата на крестах одна —
Июля пятое число.

Везде — в оврагах, на холмах,
Среди растоптанной травы
Стоят чудовища в крестах.
Они молчат. Они мертвы.

Отсюда вдаль идут бойцы
Гвардейских молодых полков,

И самолеты, как пловцы,
Нырять с вышки облаков.

Пред нами минные поля,
Но все равно мы их пройдем.
Пред нами бедная земля,
Врагами разоренный дом.

Иди вперед, воюй, гори...
После войны когда-нибудь
Вернись в родные Поныри,
Где начинал победный путь.

Пройдя на станцию, на плях,
Где страшный след сражений свеж.
Какая сила в Понырях
Железным сделала рубеж?

Здесь не было ни гор, ни скал,
Здесь не было ни рвов, ни рек.
Здесь русский человек стоял,
Советский человек.

Орел
Лето 1943 г.

В ОСВОБОЖДЕННОМ ГОРОДЕ

— Вы откуда, молодцы,
Красной Армии бойцы?

— Мы с востока, мы с востока,
Мы сыны Москвы,
Мы идем сплошным потоком
Сквозь огонь и рвы.

— А за что у вас медали —
Отблеск золотой?

— Сталинград мы защищали,
Город дорогой.

— Ну и сила! Сколько вас!
А откуда вы сейчас?

— Дальние и близкие,
Севские и рыльские.

А вон те танкисты хлопцы —
По приказу — конотопцы.

Нас ведет святая месть —
Сгинет враг лютый.
И столица в нашу честь
Отдает салюты.

— Ну, спасибо, что пришли,
Что свободу принесли.

— Не хвалите нас, родные.
Похвалы — потом.
Ведь у родины — России
Мы в долгу большом:

Мы поля и города
Оставляли на года,
На тоску-разлуку,
На печаль, на муку.

Нет с тех пор покоя
До исхода боя.

— Ну, попейте молока...
— Нету времени пока.

— Ну, зайдите на порог...

— Мы спешим, мамаша.

— Ну, прощайте, дай вам бог, —

И рукой помашет.

Нежин

1943 г.

ВСТУПЛЕНИЕ В БЕЛОРУССКИЮ

Сторона болотная, лесная,
Я тебя не знаю.
Не твои я песни и метели
Слушал с колыбели.
Но пришел в сражении суровом
К берегам Днепровым.
Левый берег — здесь песок да ива,
Да дымок разрыва.
Правый берег виден за туманом —
Путь лежит туда нам.
Там сейчас еще гуляет немец —
Черный чужеземец.
Мы его под Сталинградом били,
Насмерть окружили.
Под Орлом его мы растоптали,
К западу погнали.
Пронеслись, подобные лавине,
Мы по Украине.

Белорусь темнеет за рекою,
Не подать рукою,
А проплыть волнами ледяными
В пламени и дыме.
Мы лежим в окопе неглубоком,
В узенькой траншее.
Верный друг ко мне прижался боком,
Так оно теплее.
Мы глядим вперед, на берег правый,
Темный, величавый,
Из трофейных длинных трубок курим
Табачок неважный.
Брови, от песка седые, хмурим,
И задумчив каждый.
Перед боем люди молчаливы.
Только не печалься.
Тихо вздрагивают листья ивы,
Тонкие, как пальцы,
Да волна приходит и уходит
И бормочет что-то,
Да высоко в поднебесьи бродит
Голос самолета.

Здесь со мной в окопе два солдата,
Два родные брата.

Оба парня невелики ростом,
Лбы — в веснушках детства,
Оба из слободки приднепровской,
Той, что по соседству.
Их недавно в армию призывали,
После вызволенья.
Оба никогда не воевали,
Все им в удивленье.
Стелется завеса дымовая,
Берег укрывая.
Низко-низко пролетели «Илы»
Немцам рыть могилы.
Через Днепр снаряды засвистели,
Накрывая цели.
Ты прости, земля, земля родная,
Что, тебя взрывая,
Что, тебя глуша, кромсая, муча,
Мы идем, как туча.
Жизнь свою мы не жалеем тоже.
Бьемся дни и ночи.
А ведь мы, земля, тебя моложе,
И наш век короче.

В светлом ивняке возникла где-то
Красная ракета

И пошла короткими толчками
Спорить с облачками.
Ожидали этого сигнала,
Затаив дыханье.
Долгожданная пора настала
Ледяною ранью.
Старшина разлил по чарке водки —
Разом осушили.
Самодельные плоты и лодки
На руки схватили
И бегом — к теченью. А навстречу
Пламенем зловецим,
Пулями, осколками, картечью
Правый берег хлещет.
Только он покоен веков был нашим.
Днепр седоголовый.
Он поднялся, разъярен и страшен,
Темный и суровый.
Он хватал волнами, как руками,
Воюющие мины
И гасил озлобленное пламя,
Их на дно низринув.
Первыми поплыли два солдата,
Два родные брата.
Закачался их дубок рыбачий —

Дай ему удачи.
Из слободки вышла мать на берег,
Машет им рукою.
Видно, сыновьям любимым верит,
Не боится боя.
Есть ли выше счастье, я не знаю,
Чтобы мать родная
На днепровском берегу стояла
И рукой махала.
И плывут, плывут два верных сына
Через дым и пламя,
Позади осталась Украина,
Белорусь пред нами.
Сторона болотная, лесная,
Я тебя не знаю,
Только то, что нами взято с бою,
Навсегда родное.
Здравствуй, Белоруссия. Я вижу —
Берег ближе, ближе.
Лодку всю осколками разбило,
Бьет волна высоко.
Ноги вязнут средь густого ила,
Режется осока.
К берегу крутому подплывают
Юноши простые,

А выходят — на груди сияют
Звезды золотые.

Прямо из воды — бегом на кручу.
Слышен крик и топот.

Влево, вправо бьет приклад могучий.
Бой идет в окопах.

Вдаль уходит, в чащи и болота,
Грохот пулемета.

Мутные глаза немецких трупов
В небо смотрят тупо.

Пулями пробитый, мокрый, узкий.
Средь огня и дыма,
Бьется над землею белорусской
Красный флаг любимый.

ТАНКИ ИДУТ ВПЕРЕД

Немецкая прорвана оборона
В крае лесных болот.
Вражьи траншеи беря с разгона,
Танки идут вперед.

Вьюга бушует, трубят морозы.
Траки ломают лед.
С фланга, в тылу оставляя Мозырь,
Танки идут вперед.

Через завалы, огонь, преграды,
Все ускоряя ход,
Гордость народа — «Ответ Сталинграда»,
Танки идут вперед.

Немцы бегут, поджигая села.
В зареве — небосвод.

**Круша и давя немецкую сволочь,
Танки идут вперед.**

**Сердце танкиста пылает мезтью, —
Нас Беларусь зовет.
Долг боевой выполняя с честью,
Танки идут вперед.**

**Район Мозыря
1943 г.**

НЕМЕЦКИЕ ТРАНШЕИ

В родных равнинах там и тут,
Как черные кривые змеи,
По снегу белому ползут
Немецкие траншеи.

На них обрушился металл
Жестоким огненным налетом,
Их танк советский растоптал,
В них ворвалась пехота.

Здесь все смешалось — взрыв и крик.
Здесь погуляли так, как надо,
Четырехгранный русский штык,
Лопатка и граната.

На запад отошел раскат,
Лишь выюгу слушает равнина.

В пятнистых куртках здесь лежат
Пришельцы из Берлина.

...Мы далеко уйдем вперед,
Земля воспрянет, хорошея.
Засыплется и зарастет
Немецкая траншея.

Не зря долбили немцы грунт,
Полезная была работа:
Враги себе копали тут
Могилы на болотах.

РЕЧИЦА

В Белоруссии, в России
Есть такие городки:
Сходят улицы прямые
К синей линии реки.

Мы на спичечных коробках
Имя Речицы прочли.
Девушки в кудряшках робких
Здесь гуляли и росли.

Как здесь люди славно жили...
Все разрушила беда.
Танк в иголках снежной пыли
Входит медленно сюда.

Этот самый танк огромный,
Негодую, грохоча,

Год назад по кручам темным
Шел в прорыв до Калача.

И противник окруженный
В день морозный, поутру,
Убегал на берег Дона,
Как теперь бежит к Днепру.

Затихает бой суровый,
Дышит порохом земля,
И салют грохочет новый
Возле древних стен Кремля.

Тихий городок, как равный,
Выросший в огне боев,
Входит в ряд больших и славных,
Милых сердцу городов.

УЛИЦЫ-ДОРОГИ

С боем взяли мы Орел,
Город весь прошли.
Улицы последней
Название прочли:

Брянская улица на запад ведет.
Значит — в Брянск дорога,
Значит — в Брянск дорога.
Вперед!

С боем входим в город Брянск,
Город весь прошли.
Улицы последней
Название прочли:

Гомельская улица на запад ведет.
В Гомель нам дорога,

**В Гомель нам дорога.
Вперед!**

**Гомель нами с боем взят,
Город весь прошли,
Улицы последней
Название прочли:**

**Минская улица на запад ведет.
Значит — в Минск дорога,
Значит — в Минск дорога.
Вперед!**

**Гомель
Ноябрь 1943 г.**

СОДЕРЖАНИЕ

Свобода	3
-------------------	---

В ТРУДНЫЕ ДНИ

В трудные дни	5
Украине моей	7
Лелека	9
Песня о Днепре	11
Город вдали	13
Метро	15
Легенда	16

ПРОПАЛ БЕЗ ВЕСТИ ЛИРИКА

Где ты ходишь	51
Вечеринка	53
Гоголевский бульвар	55
Сирень	57
Танцы до утра	59
Знойный полдень	61
Вдали промчится кенница	62
Раненые	64
Пеленг	66
Застольная фронтовая	68
Беревка	70
Киев	72
На Десне	74

РАЗГОВОР ВОЛГИ С ДОНОМ

Сталинград	76
Бомбежка	79
Недостроенный дом	81
Статуя	83
Баррикада	85
Борьба за комнату	88
Разговор Волги с Доном	90
Высота	92
Мертвый немец	94
Советские танки в Брюсселе	96
О том, о далеком	99

ТАНКИ ИДУТ ВПЕРЕД

Поныри	101
В освобожденном городе	107
Вступление в Белоруссию	110
Танки идут вперед	116
Немецкие траншеи	118
Речица	120
Улицы-дороги	122

Редактор *П. Антокольский*

A7876. Подписано к печати 22/VI 1944 г.
Печ. л. 4. Авт. л. 4,13. Уч.-изд. л. 4,33.
Тираж 10 000. Заказ 828. Цена 3 руб.

6-я типография треста „Полиграфкнига“ ОГИЗ
при СНК РСФСР. Москва, 1-й Самотечный 17.